

Резкое заявление повергло в оцепенение зал суда.

Было невозможно оценить, насколько оказались удивлены остальные «гости» зала, резко замолчавшие в шоке от наглости такого заявления, ужаснувшиеся при мысли об одной только возможности видеть их «национального героя» («звание», которое заставило Гарри задуматься об отношении к нему членов Визенгамота, несмотря на нападки, которые ему пришлось вытерпеть от этих самых людей) обрученным с иностранной ведьмой. И хотя Гарри прекрасно понимал эмоции остальных людей в зале, все же в первую очередь он пытался искать ответы на собственные вопросы.

Как такое могло произойти? Что имел в виду этот незнакомец, утверждая, что между Гарри и ведьмой, которой парень даже в глаза ни разу не видел, заключен настоящий брачный контракт? Разве подобные архаичные традиции все еще живы в современном магическом мире?

Отвечая на свой последний вопрос, Гарри несколько уныло был вынужден признать, что следование старомодным традициям не просто возможно: учитывая то, что он видел и пережил с тех пор, как открыл для себя мир волшебства, даже не стоит удивляться, что такая традиция по-прежнему существует.

Гарри Поттер никогда особо много не предавался мыслям о будущем и – за исключением нескольких праздных часов, которые он коротал, позволяя себе размышлять о различных девушках из числа знакомых, – конечно никогда всерьез не обдумывал вопрос, кто, в конечном счете, станет Миссис Поттер. Мысль о браке не только обходила его голову стороной, но и затрагивала тот социальный институт, которым он, сознательно или не очень, совершенно не хотел обзаводиться так рано – разумеется, в значительной степени из-за единственного примера брака, который он имел «счастье» наблюдать: супружеской жизни его тети и дяди. В его воспоминаниях большую часть времени они тратили на бесконечные споры, и он никак не мог вспомнить приступов особенного супружеского счастья или демонстрации какой-то особой привязанности в их отношениях. На самом деле, кроме их общего стремления заставить Гарри чувствовать себя бесполезным и превратить его жизнь в жалкое существование, он не замечал наличия у них каких-то общих целей или интересов, давая мальчику богатую почву для размышлений о том, почему его дядя и тетя вообще поженились.

Но у него перед глазами был еще один пример, который, впрочем, был немногим лучше предыдущего: по крайней мере, мистер и миссис Уизли были дружелюбны друг с другом и относились к семье как к самой важной части их жизни. Разумеется, портрет их семьи отличался от портрета семьи Дурслей, но, по мнению Гарри, был едва ли более обнадеживающим – безусловно, Молли и Артур смотрелись более гармонично, чем его дядя и тетя, но все-таки было невооруженным глазом видно, кто лидирует в этих отношениях. Гарри постоянно испытывал некий диссонанс, оценивая Миссис Уизли как громкую и властную женщину, – она была необыкновенно добра к нему все то время, что он ее знал, но он также знал ее как женщину с сильным характером, которая привыкла непреложно следовать собственному пути, в то время как Мистер Уизли довольствовался следованием вдоль ее берега, позволив ей встать у руля, а себе – играть вспомогательную роль. Нет, Гарри очень

любил старших Уизли – он просто не хотел подражать их отношениям.

И с примерами супружеского «счастья», которые всегда сверкали у него перед глазами, сложно было не догадаться, что Гарри не лелеет мысль о браке и даже – возможно, подсознательно, – пока только раздумывает о том, стоит ли вообще искать себе жену.

Теперь же он был помолвлен без его собственного согласия... с ведьмой, с которой он ни разу не встречался. Более того, он даже имени ее не знал! Как он должен был чувствовать себя в этой ситуации? Был ли из этого какой-либо выход? Этот незнакомый мужчина – очередной искатель удачи, нацеленный на связь с печально известным Мальчиком-Который-Выжил? Или же он ведет другую, известную лишь ему одному, игру?

С другой стороны, у незнакомца должны были быть веские причины для того, чтобы не только продумать эту схему (несомненно, без помощи Сириуса здесь не обошлось!), но и подписать этот брачный контракт, учитывая документально подтвержденную связь Гарри с вышеупомянутым могущественным и, как считалось, безумным волшебником. Искатель Фортуны мог ошибиться, рассматривая союз Поттера и своей дочери перед лицом такой опасности.

Гарри не знал, что и думать.

Когда началось неизбежное столкновение, Гарри заметил, что незнакомец смотрит на него с добрым выражением на лице; его действия были направлены на то, чтобы немного успокоить парня относительно того, что (и неважно, что причина действий этого мужчины была продиктована его же вмешательством) причины, побудившие его выявить брачный контракт, не преследовали цели навредить будущему Гарри. И эта мысль утешала Поттера, учитывая обстоятельства, которые складывались в его жизни. Но с другой стороны, речи незнакомца могли оказаться обманчивыми.

- Что-то не так, Гарри? – тихо спросил мужчина, игнорируя возрастающий шум вокруг них.

- Брачный контракт? – он все-таки выдавил из себя небольшой писк.

- Не очень распространенное, но и не самое необычное явление, – пожал плечами Жан-Себастьян. – Конечно, вы имеете некоторые представления о том, что это возможно.

- Простите, сэр, – ответил он, покачав головой. – Но я не знал. Я был воспитан Магглами, и иногда все еще удивляюсь старомодным традициям волшебного мира...

Нахмурясь, едва услышав комментарий Гарри, Жан-Себастьян внимательно, словно изучающе, посмотрел на него, заставив парня смутиться. Гарри переступил с ноги на ногу, нервы сдавали его с потрохами, несмотря на все старания держать эмоции под контролем.

- Все в порядке, Гарри, - Жан-Себастьян снова успокаивающе улыбнулся. - Я не знал, что ты не в курсе. Мы обязательно будем работать над твоими пробелами в образовании, когда окажемся подальше отсюда.

- Мы можем найти хоть какой-нибудь выход из этого положения? - выпалил Гарри, моментально поняв, что подобрал не те слова, когда на лице Жана-Себастьяна появилось нехорошее выражение.

- Извините, - немного нервно поправился Гарри, не желая обидеть своего благодетеля. - Все это так... Ново для меня. Я имею в виду... Я никогда не думал... Я ведь даже не знаком с вашей дочерью, - запинаясь, закончил он после небольшой паузы.

Жан-Себастьян усмехнулся, на место его кратковременного недовольства пришло веселье:

- Не волнуйтесь, вы меня не обидели. Я вижу, что нам надо многое обсудить, мой юный друг, и вам нужно многому научиться.

Получив кивок согласия от Гарри, Жан-Себастьян протянул руку и ухватил его за плечо, легонько сжимая в качестве утешительного жеста:

- Что касается личности моей дочери, я могу вас уверить, что она вам знакома.

Гарри неуверенно посмотрел на него, соображая, кого тот может иметь в виду.

- Мои извинения, юный мистер Поттер; позвольте представиться. Меня зовут Жан-Себастьян Делакур, я посол Франции в Международной Конфедерации Волшебников. Этот брачный договор связывает вас с моей дочерью Флер, с которой, я уверен, вы хорошо знакомы благодаря Турниру Трех Волшебников, проходившему в Хогвартсе в прошлом году.

- ТИШИНА!

Разговор был прерван министром Фаджем, изо всех сил стучавшим молотком по столу и кричавшим на весь Визенгамот, чтобы привести обстановку в зале в порядок. Но Гарри, потрясенный неожиданным раскрытием личности своего загадочного благодетеля и фактом своей недавней помолвки, ничего не слышал.

Флер Делакур? Та самая девушка, с которой я обручен?

Мысли порхали в его голове, кружась из-за образа прекрасной девушки, впервые вошедшей в парадный зал Хогвартса, и рисуя взгляды каждого из парней (и даже мужчин постарше), уставившихся на перепачканную Флер, вышедшую из холодного озера, крепко обнимавшую его в знак благодарности за спасение сестры. Это к ней он оказался привязан брачным договором?

Неспособный отвлечься от мыслей, завоевавших голову, Гарри все-таки заставил себя успокоиться и порассуждать над ситуацией логически. Он думал о почти несуществующем знакомстве с молодой Французской Вейлой. В предыдущем году во время турнира он хотел пригласить Флер на Рождественский бал, но кто не хотел? Мечты о появлении на мероприятии рука об руку с самой красивой девушкой, которую они все когда-либо видели, завладели фантазиями практически всех парней в школе. Но, в то время как Рон на какое-то время забыл, что она недоступна для любого из них, Гарри запер свои мысли в царстве фантазий, запретив себе даже думать о том, что на самом деле Флер может ответить «да».

Тем не менее... теперь, когда он начал думать о ее возможном согласии, хотя до сих пор считал Флер прилично обогнавшей его с точки зрения красоты и популярности, пример Рона казался ему неподходящим к этой ситуации. В конце концов, если вспомнить ту историю, Рон выпалил свою просьбу в центре переполненного зала и сразу же сбежал в страхе – насколько Гарри помнил, фактически Флер так и не дала своего ответа. Получить его было можно, но вряд ли бы она приняла предложение Рона. К тому же, Рон не имел никакого понятия о том, когда конкретно Роджер Дэвис пригласил ее на бал, но, если выражение ее лица, менявшееся по ходу Святочного бала, о чем-то и говорило, так это о том, что безостановочное подобострастие Роджера скорее всего было ей в тягость... и, конечно, переносилось ею немногим хуже, чем печальный опыт общения с Роном.

Что занесло другую мысль в его сознание – а было ли когда-либо реальное подтверждение того, что она на самом деле считала себя выше людей из своего окружения? Она было несколько холодной и отстраненной, когда впервые появилась в Хогвартсе, и вела себя довольно задиристо, когда он появился в приемной после инцидента с кубком, но это было единственное, что могло натолкнуть его на мысли о ее высокомерии. В конце концов, студенты его родной школы и сами считали Гарри испорченным и избалованным принцем, жаждущим славы, и (начиная с ужасных событий на кладбище) обманщиком, постоянно несущим бред и думающим о несуществующих вещах, хотя, конечно, события его прошлого заставляли даже его самого всерьез задумываться о собственной вменяемости. Может быть, Флер воспринимала его так же, как они? Возможно, ее внешнее выражение эмоций было фальшивым? Ему надо поговорить с ней самостоятельно и попытаться узнать Флер до того, как им будут приняты на веру какие-либо суждения, часть которых еще не были приняты в прошлом.

Выйдя из ступора, Гарри сделал над собой большое усилие, чтобы сосредоточиться на том, что происходит вокруг него.

- У вас действительно нет иного выбора, Министр, - говорил Жан-Себастьян, глядя на Министра сузившимися глазами. – Международное право в данном случае довольно категорично. Так как опекун Мистера Поттера и я дали согласие на заключение брачного контракта, он вступит в силу независимо от желания Министерства Великобритании.

Несвязное бормотание вылетело изо рта Фаджа, заставив Жана-Себастьяна покачать головой в ответ, а Гарри в очередной раз поразиться человеку, который сумел заставить словоохотливого Министра потерять дар речи.

- Но вы не можете... - Фадж, наконец, смог преодолеть свой гнев и негодование. – Мы не можем допустить, чтобы один из наших самых знаменитых граждан вступил в брак с... с...

иностранцем!

- Не этого ли гражданина вы собирались линчевать, не потрудившись узнать правду?

Фаджу было нечего ответить на это заявление.

- И Министр, я предполагаю, что у вас не должно возникнуть иных возражений относительно соответствия моей дочери статусу жены Мистера Поттера.

Последнее прозвучало с жесткими стальными нотами в голосе Жана-Себастьяна, и хотя Гарри не совсем понимал отсылку его слов, они не ускользнули от Фаджа и остальной части Визенгамота. Несколько человек хмурились, некоторые выглядели задумчиво, а некоторые кивали в знак согласия, не давая Гарри ни малейшего понятия о том, что конкретно обсуждается в настоящий момент.

- Как я уже сказал, вне зависимости от мнения Министерства по данному вопросу, Мистер Поттер теперь юридически и магически связан брачным контрактом с моей дочерью с согласия наших предков, подтвержденного мной и его опекуном. Предлагаю вам просто принять этот факт, так как изменить его вы не в силах.

Фадж, казалось, собирался еще что-то возразить, но Жан-Себастьян этого не позволил, говоря одновременно с невнятным заиканием Министра:

- Кроме того, так как Гарри все еще несовершеннолетний, я возьму на себя обязанности его опекуна, пока он не достигнет установленного возраста или его истинный опекун не вернет себе свою позицию. Повторюсь, это не подлежит обсуждению и не выходит за рамки закона, - повторил он, когда Фадж снова пытался возразить. - Конечно, если Английское магическое правительство одержимо идеей об исключении Мистера Поттера из Хогвартса, я уверен, что для него найдется место в Шармбатоне. Все же его невеста до сих пор посещает лучшую школу Франции, и я уверен, что руководство школы будет счастливо внести в список студентов волшебника такого уровня.

В какой-то момент Гарри показалось, что глаза Фаджа вот-вот вылезут из орбит, когда он уставился на Жана-Себастьяна. Не особенно разбирающийся в искусстве политики, даже Гарри понял этот знак - аргументы Фаджа политически рушились, у него не было иного выхода, кроме как сдать свои позиции. К тому же, если Министра посчитают основной причиной изгнания из Хогвартса знаменитого и, в какой-то степени, почитаемого гражданина Англии, его политическая карьера будет закончена. Гарри почти видел политическую жизнь Фаджа, промелькнувшую перед его глазами, и не удержался от растянувшей губы язвительной ухмылки. Конечно, Поттер никогда не считал политику приятной или интересной сферой деятельности, но в тот момент он был вынужден признать, что ощущение от разнесения в пух и прах аргументов оппонента, заставляющее того отступить, было довольно привлекательным.

- Уверяю вас, посол, перевод Мистера Поттера в Шармбатон будет лишним, - заговорила с нижнего ряда пожилая почтенная женщина с волосами цвета серой стали и ненормально

огромной шляпой с перьями. – Хотя процедура сегодняшнего слушания до крайности необычна, цель нашего органа заключается в том, чтобы добраться до сути дела, независимо от... того, что считают другие.

Жан-Себастьян кивнул в ответ:

- Ничего другого я и не ожидал, уважаемая присяжная.

- Министр, - продолжила она. – Я думаю, что мы должны придерживаться буквы закона в данном случае, и что обвинения против Мистера Поттера должны быть сняты. Конечно, если вы хотите окончательно удостовериться в отсутствии всякого рода предвзятости, мы можем использовать Веритасерум и вызвать других свидетелей.

- Или я могу выпустить своего Патронуса для вас, если желаете, - пробормотал Гарри, отчаянно покрасневший, когда понял, что его саркастичный комментарий был четко услышан большинством членов Визенгамота, включая ту самую пожилую даму. Она одарила его улыбкой и предупредительно показала глазами на Фаджа.

Фаджу, впрочем, было не до веселья, и он нахмурился, игнорируя хор смеха, зазвучавший из-за непочтительного высказывания Гарри.

- Вы хотите воспользоваться предложением Мистера Поттера, Министр? – подал голос Дамблдор. Его глаза сияли, явно наслаждаясь выходкой Гарри и несколько дерзкой манерой разговора гриффиндорца.

Решив, что лучше всего будет проигнорировать насмешку, Фадж властно уставился на Гарри, как бы ожидая, что тот скажет еще что-нибудь, что может в дальнейшем подорвать его собственную репутацию. Но в этот раз Гарри молчал, понимая, что его дерзкий порыв был прощен однажды, но не пройдет безнаказанным во второй раз.

Наконец, Фадж задиристо поднял подбородок.

- Очень хорошо, - заносчиво резюмировал он. – Похоже, Визенгамот уже принял свое решение, и дальнейшие дебаты будут просто бессмысленны. Мы признаем справедливость слов Миссис Долгопупс и снимаем все обвинения против Мистера Гарри Поттера. Вы можете идти, молодой человек, но вынужден подчеркнуть со всей серьезностью, что Статут о секретности не следует воспринимать пренебрежительно.

Напряжение, в котором пребывал Гарри с момента нападения дементоров, немедленно отступило, и Гарри рухнул в кресло с облегчением. Он не был исключен и не был изгнан из волшебного мира. Мысль о том, что он сможет увидеть своих друзей снова и посмеяться над всем, что с ним произошло, заставила его войти в состояние полного восторга. Он улыбнулся членам Визенгамота и заверил их (правда, не особо связно), что все понял, и впредь будет избегать использования магии до тех пор, пока это не будет продиктовано критичной

необходимостью.

Казалось, Жан-Себастьян успокоился не до конца, если строгое и неодобрительное выражение его лица хоть что-то означало. Видимо, Фадж заметил выражение лица Жана-Себастьяна, и впился в него взглядом, выражающим открытую враждебность.

- Если это все... - начал он, сразу оказавшись перебитым.

- Как выяснилось, есть кое-что еще, - начал Жан-Себастьян сухим и недружелюбным голосом. - Из поля моего внимания не ускользнуло то, что мой новый подопечный был оболган не только вашей национальной газетой, - слова вылетали из его рта с некоторым отвращением. - Но и членами вашего правительства, в том числе, представителями власти самого высокого уровня.

Оставался недосказанным тот факт, что сам Министр был главной движущей силой гадостей, которые проговаривались за спиной Гарри, но никто не понял этого намека. Лицо Фаджа потемнело, он едва ли мог опровергнуть обвинение в том, что инициатива всех гонений действительно во многом исходила от него.

- Что вы предлагаете, посол? - прорычал он. - Господин Поттер освобождается прямо в зале Визенгамота. Ему нужна должность министра, чтобы добавить эту строчку в свое портфолио? Сомневаюсь, что даже этого будет достаточно для удовлетворения его эго.

- Корнелиус, это именно то отношение, о котором говорит посол, - сурово произнес Дамблдор.

- Я настаиваю на прекращении постоянного нападения на моего подопечного - я не могу заставить Британскую общественность прекратить рассказывать псевдо сенсационные истории и откровенно лгать об этом мальчике.

Глаза Фаджа еще больше сузились, и он посмотрел на Жана-Себастьяна.

- Вы даете свое согласие, Министр?

- Видимо, да, - вставила Мадам Долгопупс, фиксируя несогласие Фаджа мрачным взглядом. - Независимо от личного мнения или ожидания слушающих, это правительство обязано защищать всех волшебников, и клевета на граждан допускаться не должна.

- Согласен, - подтвердил Дамблдор. - Больше не будет никаких лишних мнений относительно Мистера Поттера или любого другого гражданина, преследуемого любым членом этого правительства. Даю вам слово, что любая атака будет отражена.

Внимательно наблюдая за Министром, Гарри заметил, что сам он ничего не сказал, лишь похрюкивая в ответ на громкие заявления, которые были направлены в его сторону. Гарри сильно сомневался в том, что, как политик, занимающий верхушку правительства, Фадж

никогда не попадал на ковер, на котором с ним разговаривали подобным образом. Однако в лучшем случае, подобных эксцессов с ним не случалось с того момента, как он занял кабинет Министра с соответствующим постом. Очевидно, Фадж не принимал во внимание свой опыт.

Но Жан-Себастьян не успокаивался.

- Ваши обещания приняты, Мадам Долгопупс и профессор Дамблдор, - сказал он. - Но это лишь предварительные обещания, которые в настоящий момент меня крайне волнуют. Все помехи должны быть устранены, чтобы Гарри смог жить дальше без гонений и предвзятых обвинений.

- Вы снова хотите разворошить прошлое? - напрягся Фадж. - Разве мы дали недостаточно свободы Мистеру Поттеру?

- Да, вы сделали недостаточно, - четко проговорил Жан-Себастьян. - Учитывая то, что было сказано о нем, особенно в последние несколько недель, совершенно ясно, что магическая общественность этой страны была опутана клеветническими описаниями Мистера Поттера. У извинений должен быть адресант, иначе ошибочные представления о личности Гарри так и останутся в головах и сердцах англичан. Я настаиваю на публичном извинении, которое должно быть опубликовано в завтрашнем "Ежедневном Пророке".

Его губы замкнулись с отвращением, в то время как глаза Министра метались от Гарри к Дамблдору, Жану-Себастьяну и обратно, словно пытаясь найти выход из этого положения. Но, к сожалению, ему не предоставлялась такая возможность: ситуация была такова, что он не мог отказать в удовлетворении этого требования, не потеряв лицо еще больше, чем уже потерял.

Кивнув, Фадж заговорил, хотя было ясно, что слова, которые он говорил, обжигали ему язык:

- Извинения будут напечатаны в Пророке завтра. В свою очередь, Мистер Поттер должен прекратить давать публичные заявления о возвращении Того-Чье-Имя-Нельзя-Называть.

- Гарри уже предложил использовать Веритасерум, Министр, - отрезал Дамблдор. - Неужели вы не примете его предложение?

- Нет! - категорически заявил Фадж. - Я не позволю поднимать панику и истерию среди населения, вызванную простыми и не подтвержденными словами Мистера Поттера. Использование Веритасерума не исключает возможности галлюцинации или иллюзии: Мистер Поттер действительно может верить в то, что он говорит истинную правду.

Он неискренне улыбнулся Гарри, заставив его нахмуриться в ответ.

- В конце концов, перед моментом, якобы, встречи с Тем-Чье-Имя-Нельзя-Называть Мистер Поттер прошел через трудные испытания. Нечего и говорить о том, что он мог видеть то, что видел, под влиянием усталости или какого-либо явного обмана со стороны последователей

Того-Чье-Имя-Нельзя-Называть: людей, нацеленных на то, чтобы посеять панику и разруху. События, произошедшие на Кубке мира по квиддичу, только доказали, что такие люди все еще существуют, или же другие люди желают использовать тот страх, который сеяли Пожиратели смерти во время войны за свои цели. Министерство займется расследованием заявлений Мистера Поттера и обработает их соответствующим образом, - резюмировал Фадж. – Сейчас нет необходимости подстрекать общественность к панике.

Гарри был уверен в том, что Фадж явно обойдет свое обещание расследовать дело – он заклеил Гарри как человек, который будет игнорировать неприятную правду в надежде на то, что со временем ситуация пройдет сама собой. Краем глаза Гарри увидел, как Дамблдор и Жан-Себастьян обменялись взглядами, прежде чем снова обратили свое внимание на Министра.

- Вполне приемлемо, Министр, - подтвердил Дамблдор. – Как главу Визенгамота, пожалуйста, держите меня в курсе хода вашего расследования. Если Гарри прав, и Волан-де-Морт действительно вернулся, мы должны действовать быстро, чтобы быть готовыми к борьбе с его армией.

- Конечно, Директор, - протянул Министр, фальшиво улыбнувшись. – Вы будете первым, кто об этом узнает.

Честно говоря, Жан-Себастьян не питал ложных иллюзий насчет того, что Министр не пустит дело на самотек и сделает хотя бы что-то в связи с возвращением Волан-де-Морта – ведь он даже не захотел принимать во внимание саму эту идею, и его внезапно-озабоченное лицо выглядело крайне подозрительно. Тем не менее, зная о том, что только Министр имеет право начать полное расследование, Жан-Себастьян понимал, что в настоящий момент его руки были связаны. В конце концов, он был иностранцем, и не мог сделать всего того, что хотел.

Тем не менее, оставался открытым еще один вопрос, который требовал внимательного рассмотрения и рисковал стать очередным бельмом на глазу Фаджа. По крайней мере, Жан-Себастьян на это надеялся.

- Министр, если Визенгамот позволит, я бы хотел внести на рассмотрение еще один вопрос, который нужно обсудить сегодня.

Фадж вздохнул и посмотрел вниз с наигранным терпением:

- Я думаю, мы уже детально обсудили вопрос о Мистере Поттере, посол. В дальнейшем обсуждении нет необходимости. Уверяю вас, что все, что было сегодня решено и обещано, будет введено в действие в ближайшем будущем.

- То, о чем я собираюсь сказать, не имеет никакого отношения к Мистеру Поттеру. Тем не

менее, это имеет большое значение для всех людей, собравшихся сегодня здесь.

- Думаю, мы должны предоставить слово господину послу, Министр, - сказал Дамблдор. – Он уже обсуждал эту тему со мной ранее, и вопрос посла должен быть рассмотрен Визенгамотом. Лучше обсудить это, пока мы все здесь.

Фадж некоторое время молчал, подозрительно глядя на Жана-Себастьяна, но, наконец, согласился:

- Если это действительно важный вопрос, задавайте его быстро – не тратьте время Визенгамота.

Чересчур широко улыбаясь, Жан-Себастьян сделал небольшой издевательский поклон:

- Несколько месяцев назад со мной связался опекун Мистера Поттера и уведомил меня о положении дел и документах, которые были использованы, чтобы заключить помолвку, о которой я только что говорил. Я был, признаюсь, крайне поражен, когда со мной связался этот человек, но, выслушав его историю и приняв ее на веру, я понял его состояние и согласился помочь ему разрешить данную ситуацию любым доступным мне способом.

Августа Долгопупс явно теряла терпение:

- Посол, не могли бы вы прояснить кое-что до конца? Вы упомянули опекуна Мистера Поттера несколько раз, но ни разу не назвали его по имени. О ком вы говорите?

- Опекун Мистера Поттера есть не кто иной, как Сириус Блэк.

Вспышка волны разговоров, вызванная заявлением Жана-Себастьяна, была молниеносной и более громкой, чем реакция на все предыдущие его заявления. Жан-Себастьян стоял и смотрел, как ведьмы и колдуны кричали в неверии, выплескивая свое возмущение тем, что он, иностранец, посмел встретиться с одним из самых ненавистных и позорных преступников. Жан-Себастьян мрачно подумал о том, что скоро они узнают, кто же все это время был их настоящим врагом.

С весомой подачи судейского молотка, не говоря уже о снопе (или двух) искр с конца палочки Дамблдора, в зале суда был восстановлен порядок, хотя обстановка была по-прежнему накалена и угрожала вспыхнуть в любой другой момент.

Фадж неприятно усмехнулся Жану-Себастьяну – тот был уверен, что Фадж считает, будто наконец-то нашел то, что дезориентирует его противника. Как же мало понял Министр.

- Как вы смеете сотрудничать с этим убийцей! У вас есть хоть какое-то представление о приличиях? Этот человек – осужденный убийца, настоящий маньяк, который, как известно, все

еще находился под обвинением, когда сбежал из Азкабана два года назад. Учитывая вашу с ним связь, мне интересна цель данного союза. Вы состоите в сговоре с Блэком, чтобы получить контроль над мальчиком? И как он может считаться опекуном Мистера Поттера, если он – убийца?

- Министр, - начал Жан-Себастьян, очень тщательно подбирая слова, чтобы удостовериться в том, что именно понял Фадж. – Сириус Блэк действительно сбежал из Азкабана, но и вы, и я знаем о том, что он не истинный убийца!

- Ну конечно же это он... – Фадж запнулся. – Он провел двенадцать лет в Азкабана за предательство родителей Мистера Поттера Тому-Чье-Имя-Нельзя-Называть и взрыв на улице, убивший Питера Петтигрю и двенадцать Магглов.

- Я прекрасно осведомлен о сроке, который провел Мистер Блэк, сидя в Азкабана, Министр, но вы не должны обвинять невиновного. Мы оба знаем, что он был заточен в тюрьме без суда.

- А что касается его опекуна над Гарри, - продолжил Дамблдор. – это связано с неким магическим обрядом. Крестные родители магически закреплены за ребенком, и, так как Сириус никогда не был осужден, магия по-прежнему признает его не только как крестного отца Гарри, но и как его официального опекуна. Ничто не может изменить это, пока Сириус фактически не будет признан виновным в совершении какого-либо правонарушения – только в этом случае опекуна и положение крестного отца перейдут к тому, кого Поттеры своим волеизъявлением назначили следующим.

Шок стал одной из доминирующих эмоций в этой комнате – вопреки подозрениям Жана-Себастьяна, оказалось, что большинство, если не полное количество, членов Британского Визенгамота не были вовлечены в заговор о заточении Сириуса в Азкабан без судебного процесса. Либо все эти люди были исключительными актерами. Репутация всего Визенгамота будет безнадежно испорчена, если выяснится, как получилось, что Сириусу было отказано в судебном процессе (чего сам Жан-Себастьян пока не понимал). Даже с помощью Дамблдора он с трудом нашел ту скудную информацию о заключении Сириуса, которой обладал в настоящий момент.

- Это просто смешно! – заговорила одетая во все розовое женщина, очевидно, оскорбленная высказанными заявлениями. – Всем известно, что Блэк был признан виновным и был приговорен к пожизненному заключению в Азкабана. Вы думаете, мы не знаем о статусе наших преступников?

- Да, именно об этом я и говорю, Мадам Амбридж, - ответил Жан-Себастьян. – Мистер Блэк рассказал мне под воздействием Веритасерума, что после того, как авторы схватили его после противостояния с Питером Петтигрю, он проснулся уже в Азкабана и никогда не был предоставлен суду. Поскольку допрос преступника, совершившего такое серьезное правонарушение, под Веритасерумом – это стандартная процедура, я могу лишь предположить, что судебный процесс так и не состоялся, если только кто-то не обошел стороной судебное разбирательство, в котором Мистеру Блэку даже не предоставили права на защиту. В любом случае, мы склонны полагать, что имеем дело с серьезными ошибками в судопроизводстве.

- Председатель, вы можете осветить историю, произошедшую между Мистером Блэком и Министерством?

- К сожалению, нет, - с апломбом ответил Дамблдор. - Я стал Председателем более, чем через год после окончания войны, и не был вовлечен в принятие решения. Нам сказали, что Министр Бэгнольд созвала специальный суд старейшин Визенгамота, который признал Сириуса виновным и заключил его в Азкабана.

Дамблдор начал ходить по комнате, заложив руки за спину. Взгляд, полный раздумий и предельной концентрации, застыл на его лице:

- Несмотря на то, что трибунал - необычная процедура - созвать его вправе Министр с согласия Председателя рассмотреть дело преступника подобным образом, особенно если разбирательство может повлечь за собой раскол общественности или таит в себе риск разглашения конфиденциальной информации широкой аудитории, - считается, что суд в этом случае действует от имени Визенгамота. В конкретном случае Сириуса Министр был обеспокоен эффектом от суда над предателем Поттеров, которые все еще были весьма известны, а с растущей популярностью Гарри, благодаря его расправе над Волан-де-Мортом, было признано необходимым провести суд настолько быстро и незаметно, насколько это было возможно.

- И вы никогда не думали поднять этот вопрос? - Жан-Себастьян негодовал, пребывая в бешенстве от того, что его новый друг провел больше десяти лет в худшем аду на Земле даже без юридического подобия судебного процесса. - А были ли проверки по поводу законности проведения подобной процедуры?

- Если только самим Визенгамотом, - ответил Дамблдор. - Вы должны понимать, что это процедура, которая применяется довольно редко. Если хотя бы один член Визенгамота считает, что решение, вынесенное судом, некорректно, они могут рассмотреть дело Визенгамотом повторно. На самом деле, любой гражданин может сделать то же самое, написав петицию в Визенгамот. Тогда члены суда будут голосовать за то, стоит ли слушать дело, и делать ли это в открытом или же закрытом заседании.

- Директор, - прервал его Фадж напряженно. - Я не думаю, что мы должны говорить об этом на общем собрании Визенгамота. Мы должны отложить судебное разбирательство и принять решение в частном порядке. Я гарантирую, что Министерство поддержит любые рекомендации по рассмотрению статуса Сириуса Блэка и его побега из Азкабана.

- Напротив, - заговорила Мадам Боунс. - Я считаю, что общее судебное разбирательство - это именно то, что нам нужно. Слишком часто дела этого органа были покрыты завесой тайны, что и привело к этой ситуации, помимо всех прочих. Пожалуйста, продолжайте, Дамблдор.

Дамблдор кивнул и возобновил свою речь:

- При всем уважении к Сириусу, к концу Первой Магической Войны наш мир был истощен

годами партизанской войны с Волан-де-Мортом и удручен гибелью Поттеров, которых многие считают героями. Выражение симпатии к бедному Гарри было настолько сильным, что объяснение предательства Поттеров Блэком было принято и не ставилось под сомнение. Никто не выразил желания предоставлять ему право на судебное разбирательство, когда доказательства против него казались ясными и не подвергались сомнениям. После побега Сириуса я искал стенограммы судебного разбирательства, показания очевидцев, данные под присягой и подписанные ими самими, что-нибудь, что дало бы понять: суд действительно был. Несмотря на тайну судебного производства, записи о нем должны были сохраниться, недоступные для всех, кроме Министра, Председателя суда и нескольких других людей, занимающих высокие и уважаемые посты. Эти записи могли бы дать почву для дальнейшего расследования или доказательства ошибки, совершенной в ходе судебного разбирательства.

Дамблдор остановился и обвел глазами комнату, фиксируя каждого члена суда и получая в ответ непонятные взгляды:

- Так вот, таких записей не существует. Как Председатель, я имею право доступа к любым записям, относящимся ко всем действиям Визенгамота, независимо от того, какова суть этих действий. Поскольку ни одна запись, касающаяся этого дела, не была найдена, я делаю вывод о том, что разбирательство никогда не проводилось.

- Это все очень интересно, но какова ваша точка зрения по данному делу? – спросила Амбридж.
- Мы все знаем, что Сириус Блэк совершил те преступления, в совершении которых был обвинен, и независимо от судебного разбирательства или его отсутствия, вы до сих пор общаетесь с убийцей, который находится в бегах от Министерства.

Жан-Себастьян усмехнулся неприятной женщине. Выражение лица Фаджа подсказывало ему, что Министр точно знал, почему они сейчас ссылаются на Сириуса Блэка, но его розовая «собачка» явно не имела понятия о том, что у Гарри были претензии к Петтигрю. Магическая Британия вот-вот получит очень неприятную новость.

- Гарри, ты бы хотел взять слово?

Он был слегка удивлен тем, что ему снова разрешили говорить, но набрался храбрости и сказал довольно твердо и ясно:

- Сириус не предавал моих родителей. Это был Питер Петтигрю.

- Питер Петтигрю! – вскрикнула женщина. – Он был убит Блэком вместе с теми Магглами. Его палец – единственная часть тела, которую смогли найти Авроры! Директор Дамблдор сам подтвердил, что Блэк был хранителем тайны ваших родителей. Почему вы упорно защищаете того, кто их убил?

- Потому что Сириус не был хранителем тайны, когда они были преданы, - ответил Гарри. – Сириус убедил моих родителей выбрать для этого Питера Петтигрю, рассудив, что на Питера подумали бы в самую последнюю очередь. Они надеялись сбить Волан-де-Морта со следа.

- Как же вы узнали об этом? – раздался голос с верхних ярусов комнаты.

Гарри с опаской посмотрел на Дамблдора – директор пожал плечами, а Жан-Себастьян поощрительно улыбнулся.

- Я встретил его на третьем курсе, - заявил Гарри, в результате чего Визенгамот изумленно замолчал. – Он превратился в Петтигрю из домашней крысы Уизли, Коросты. Тогда и он, и я почти подверглись поцелую Дементоров, отправленных в Хогвартс Министерством для защиты студентов.

Фадж выглядел немного смущенным свидетельством Гарри – решение отправить Дементоров в Хогвартс и неприятности, вызванные их появлением в школе, в частности, по отношению к Гарри, критиковалось в прессе еще несколько месяцев после того, как они были отправлены обратно в Азкабан.

- И что же случилось с Петтигрю? – спросил другой голос.

- Он сбежал в ту ночь, когда мы собирались доставить его обратно в замок, - ответил Гарри, не желая детально описывать события того вечера. – В следующий раз я видел его, когда он проводил ритуал для возвращения Волан-де-Морта в конце июня.

- Председатель, вы знаете тонкости передачи тайны хранителей? – спросил Жан-Себастьян. – Мне помнится, вы были активным участником войны с Волан-де-Мортом и приложили руку к защите Поттеров.

- К сожалению, в то время я об этом не знал, - немного грустно ответил Дамблдор. – Джеймс, Питер и Сириус передавали тайну с предельной секретностью, никому не сказав о том, что сделали. Я ничего об этом не знал, пока Сириус не сбежал из Азкабана.

- И если бы я знал, - продолжил он после минутного молчания. – Я бы советовал не делать его хранителем. Я знал всех четырех мальчиков из их компании с момента их поступления в Хогвартс, и знал, что Петтигрю был не совсем таким, как трое остальных. И хотя я даже не мог подозревать о том, что он был предателем, я понимал, что если его схватят, Волан-де-Морт сразу же узнает о расположении Поттеров – Питер не был способен противостоять пыткам Волан-де-Морта, чтобы защитить своих друзей.

Гарри заметил опасливые взгляды из разных концов комнаты при упоминании имени Волан-де-Морта, но Дамблдор либо их не замечал, либо банально игнорировал.

- Я боялся, что он предоставит любую информацию или сделает что угодно, чтобы избежать дальнейших пыток от рук Волан-де-Морта, независимо от того, знал ли тот о том, что Питер является хранителем. В то время мы были в курсе утечки информации из нашего круга, но подозревали совершенно не того – нашим основным подозреваемым был Ремус Люпин, отчасти из-за его статуса оборотня и знания того, что ассоциация оборотней примкнула к силам Волан-

де-Морта. Я глубоко сожалею о нашем заблуждении в то время.

С заявлением Дамблдора шум в зале судебных заседаний стих, давая шанс обдумать то, что было обнаружено. Получалось, что все Британское законодательство оказалось не в лучшей ситуации, но с показаниями, которые все только что услышали, они не могли отрицать необходимость судебного разбирательства над Сириусом.

В любом случае, мрачно отметил про себя Жан-Себастьян, по исходу этого дела полетят головы – особенно Фаджа. Этот глупец был предупрежден о Сириусе более года назад, и все это время отрицал возможность его невиновности, не делая ничего для того, чтобы обеспечить торжество справедливости.

Обернувшись на Гарри, Жан-Себастьян увидел смесь надежды и тоски на лице парня. Зная, что он полностью разворошил историю отношений между родственниками Гарри, Жан-Себастьян протянул руку и сжал плечо молодого человека, обещая ему, что все, что можно будет сделать для его крестного, будет сделано. Пора было поставить точку и покинуть это место – за все то время, что он разбирался в Британскими политиками и их Визенгамотом, во рту Жана-Себастьяна поселилось кислое послевкусие.

- Министр, у вас есть свидетельство о моем заявлении, что Сириус Блэк жив, и просьбе не причинять ему вред, а также заявление о том, что Питер Петтигрю не только жив, но и является истинным предателем Джеймса и Лили Поттеров и убийцей тех двенадцати Магглов. Гарри, ты согласен попасть под влияние Веритасерума, чтобы подтвердить свои слова?

- Безусловно, - пришел решительный ответ.

Глаза Фаджа все еще были неприятно прищурены, когда он посмотрел на Гарри, однако в этот раз Британский Министр ничего не ответил.

- До тех пор, пока Мистер Блэк не примет участия в надлежащем судебном разбирательстве относительно его действий, Французское Министерство предлагает ему свое убежище. Он получит достойный уход в качестве компенсации за время, проведенное в Азкабана, и дает свое согласие вернуться в Британию, чтобы предстать перед судом.

Еще десять минут назад подобное заявление вызвало бы бурю негодования со стороны собравшихся членов Визенгамота; однако откровения об истинном положении дел заставили замолчать всю комнату – никто не будет рисковать своей репутацией или репутацией органа в целом, выдвигая возражения на столь разумное и законное предложение.

- В заключение, хоть я и оформлю опеку над Мистером Поттером, однажды Мистер Блэк будет освобожден – а мы в этом уверены – и снова будет исполнять свою законную обязанность. Пожалуйста, держите меня и Министерство Франции в курсе о времени следующего судебного разбирательства, чтобы мы могли вернуть Мистера Блэка в Британию.

- Посол, - произнес Дамблдор. – Я даю вам слово, как Председатель, что Мистер Блэк предстанет перед судом.

Когда Жан-Себастьян поклонился в ответ, Дамблдор продолжил:

- Учитывая его возможное состояние здоровья после долгого заточения и времени, проведенного в бегах, возможно, было бы лучше отложить слушание до тех пор, пока он не почувствует себя немного оправившимся после испытаний, выпавших на его долю. Возможно, было бы разумно провести слушание в сентябре?

- Я поговорю с нашими целителями и попрошу их предоставить информацию о состоянии его здоровья.

- Спасибо вам, посол, - Дамблдор перевел взгляд на Министра. – Министр, так как Сириус теперь гость Французского Министерства, было бы разумным предупредить власти Магглов о том, что он больше не разыскивается. Пожалуйста, свяжитесь с вашим коллегой в правительстве Магглов.

И хотя по лицу Фаджа было похоже, будто он только что попытался целиком проглотить грейпфрут, Министр кратко кивнул.

Дамблдор снова обвел глазами присутствующих:

- Я также хотел бы отойти от моей роли Председателя и сказать, как Президент Международной Конфедерации Магов, что Конфедерация поддерживает действия Министерства Франции и его посла в вопросе о предоставлении убежища Сириусу Блэку во Франции и в вопросе заключения брачного договора между Гарри Поттером и Флер Делакур. Как ранее упоминал посол, Международная Конфедерация Магов проголосовала подавляющим большинством за поддержку дальнейшего лоббирования данных вопросов, - он сделал паузу, позволяя своим словам разойтись по всему залу. – Теперь, если вопросов для обсуждения больше нет, думаю, мы можем отложить эти дела.

Не желая ничего, кроме ухода с места его неловкого поражения, Фадж с видимым неприятием согласился, соединив свое бормотание с резким ударом своего молотка. В считанные секунды он собрал вещи и вышел из комнаты, его верный розовый щенок удалился сразу же за ним.

Когда собравшиеся члены суда начали выходить из комнаты, Жан-Себастьян повернулся к Гарри и Дамблдору, крепко пожимая им руки. Выражение удивления и смущения на лице юного Гарри было забавным, когда он слегка коснулся Жана-Себастьяна. Казалось, Гарри крайне нуждался в проявлении доверия и заботы – том, чего он не получал от своих родственников. И семья Жана-Себастьяна, хоть брачный контракт и стал для них своего рода шоком, могла дать это молодому человеку. А Сириус, конечно же, с энтузиазмом присоединился к реализации этого шанса.

Чувствуя, что у молодого человека явно накопилась масса вопросов, Жан-Себастьян повернулся к Дамблдору и поблагодарил его за поддержку:

- Если у меня есть еще немного времени в запасе, я бы хотел уделить его Гарри, у которого есть некоторые вопросы ко мне. К тому же, мне все еще нужно поговорить с Министром о других делах. Вы можете позаботиться о том, чтобы он не сбежал с белым флагом до того, как я с ним встречу?

Дамблдор тихо рассмеялся в ответ:

- Не сомневаюсь, что Министр будет в восторге от моей просьбы, но у нас слишком мало времени для разговора с ним. Вам хватит получаса на беседу с Гарри?

Жан-Себастьян кивнул и жестом позвал Гарри следовать за ним из зала суда.

Озадаченный Гарри Поттер шел за своим благодетелем, переваривая события предыдущих тридцати минут. На то, чтобы уяснить все это и полностью смириться с изменениями в его жизни, явно уйдет гораздо больше времени.

Тем не менее, казалось, что все случилось к лучшему – по крайней мере, было похоже на то, что ему больше не придется возвращаться к Дурслям, и эта мысль грела бы его, даже если бы ему пришлось вступить в брак с кем-то, кого он не знал.

И он получил значимого союзника. Насколько Гарри мог судить, Жан-Себастьян казался сильным человеком, лидером без излишеств, который не только будет бороться за права крестного отца Гарри, но еще и предоставит теплый, удобный дом для него, пока Сириус снова не придет в форму. Зная о том, что, по сути, Сириус воспитывался не дома, Гарри понимал, что Блэк страдает от недостатка семейной поддержки – он знал, что его крестный все это недополучил. Возможно, теперь для него начнется новая глава жизни, в которой не будет места тьме и отчаянию. Осталось только надеяться.

Они шли по коридорам Министерства, избегая небольшие группы членов Визенгамота, которые останавливались на каждом шагу, чтобы переговорить друг с другом и другими сотрудниками Министерства, заполонившими коридоры, разговаривая о делах Министерства на весь предстоящий день.

Когда они приблизились к лестнице, ведущей на верхние этажи, в поле зрения Гарри попала та самая женщина в розовом. Она смотрела на него с таким же приторным выражением, словно застывшим на ее лице, в то время как ее холодные глаза, напротив, будто пронзали его на расстоянии. Он бесстрашно ответил ей таким же взглядом, заставив ее улыбку превратиться в выражение неодобрения, промелькнувшего на ее лице до того, как Жан-Себастьян начал подниматься по лестнице. Гарри определил, что завел очередного врага за сегодняшний день.

Конечно, принимая во внимание ее поведение в зале суда, можно было сказать, что она уже была настроена против него, по какой-то непостижимой причине.

- Мы спустимся по лестнице еще на один уровень, - сказал Жан-Себастьян. - Нет смысла показывать тебя общественности в Атриуме сразу же после слушания.

Гарри сразу же согласился, радуясь тому, что этот мужчина понял его неприязнь к толпе, особенно в свете недоброй популярности Мальчика-Который-Выжил.

На первом этаже здания Министерства Жан-Себастьян вошел в небольшой конференц-зал и, убедившись в том, что дверь была закрыта настолько, чтобы обеспечить им полное уединение, повернулся и сел, жестом приглашая Гарри сделать то же самое.

- Итак, Гарри, - начал Жан-Себастьян, слегка изменив тон голоса, - Слишком много всего произошло за последний час, или даже меньше, чтобы полностью это принять, не так ли?

- Да, сэр, - на автомате ответил Гарри.

Улыбнувшись, Жан-Себастьян отмахнулся от его слов:

- Гарри, я только что стал твоим временным опекуном, и я буду твоим законным отцом в какой-то степени - не стоит разводить церемонии. У тебя нет необходимости в том, чтобы называть меня «сэр». «Жан-Себастьян» будет достаточно.

Высоко оценивая тот факт, что этот человек хочет дать ему больше равноправия, чем просто роль опекаемого, Гарри слегка расслабился, позволяя улыбке озарить его лицо.

- Спасибо, Жан-Себастьян. Это много значит для меня.

- Не беспокойся, я уверен, у тебя будет много времени, чтобы подумать об изменениях. Сириус останется в моем замке во Франции, пока будет восстанавливать силы после Азкабана. Вы увидите, когда мы поедем туда сегодня.

- Я никогда не был во Франции, - нервничая, сказал Гарри. - Вы имеете в виду, я останусь там до тех пор, пока не начнутся занятия в школе?

- На самом деле, мы поедем в Англию в самом ближайшем будущем, но это мне еще предстоит обсудить с вашим Министром. Ты пробудешь во Франции, самое большее, несколько дней.

Гарри кивнул, переваривая тот факт, что он наконец-то увидит Сириуса - он был обеспокоен и серьезно удивлен, когда не увидел своего крестного отца на Площади Гриммо. Дамблдор заверил его, что все хорошо, но отказался говорить студенту что-либо еще, обронив лишь, что

это больше не место Сириуса, и что никто другой не знает о его местонахождении. Гарри успокоился, узнав, что его крестный отец теперь находится на попечении настоящих целителей.

- Извините, с... Жан-Себастьян... - пробормотал Гарри, отметив усмешку, появившуюся после его оговорки. Гарри поймал себя на том, что улыбается в ответ, оценив, что с его новым опекуном довольно легко иметь дело.

Решив попробовать снова, Гарри вдохнул побольше воздуха в легкие:

- Я просто хотел сказать... Я хотел извиниться за мою реакцию в зале суда в ответ на ваше объявление. Это всего лишь...

Жан-Себастьян протянул руку и похлопал Гарри по плечу:

- Как я уже говорил, Гарри, я не расстроен. Я знаю, что это будет нелегко принять - не каждый день узнаешь о том, что теперь привязан к тому, кого едва знаешь.

- Да, действительно, - тихо согласился Гарри, думая о своих друзьях и об их реакции. Мысли, которые были связаны с Роном и Гермионой этим утром, казалось, больше не имели значения, учитывая новые реалии происходящего. - Не думаю, что Флер тоже была очень рада, узнав об этом.

- Не была, когда я впервые сказал ей об этом, - насмешливо ответил Жан-Себастьян. - Ты должен понять, Гарри, хотя браки по соглашению больше не являются общим условием заключения брака как такового, они все еще встречаются настолько часто, что каждый ребенок, воспитанный в семье волшебников, знает о том, что его супруг или супруга могут быть выбраны для него родителями. Флер была удивлена и не очень довольна развитием событий - она не из тех, кто соглашается с решением, которое было принято без ее согласия или хоть какого-нибудь одобрения - но мы это обсудили, и я думаю, что она, по крайней мере, хотя бы смирилась с этим. Этот союз, возможно, не тот, который она бы хотела заключить, но это лучше, чем то, что могут ожидать юные леди в ее положении.

На вопросительный взгляд Гарри Жан-Себастьян покачал головой:

- Это ты спросишь у нее сам - что-то, связанное с ее магической природой Вейлы. Она объяснит гораздо лучше меня.

Любопытство Гарри достигло своего предела, но он воздержался от дальнейшего опроса своего опекуна, зная, что не получит ответа.

- По крайней мере, Флер знакома с тобой и уважает тебя, так что вы оба начинаете лучше, чем многие другие, заключившие брачное соглашение между семьями. Не знаю, что будет дальше,

но я верю в то, что вам будет хорошо вместе.

- Флер уважает меня? – с сомнением глядя на собеседника, протянул Гарри.

Жан-Себастьян громко рассмеялся и покачал головой:

- Я вижу, вы были подвержены эффекту самоуничижения благодаря высокомерной маске Флер.

Смакуя выражение непонимания на лице Гарри, Жан-Себастьян еще немного посмеялся и – вытирая глаза – собрался, наконец, перед своим подопечным:

- Опять же, возможно, не мне рассказывать, но все высокомерие Флер – не более, чем... шоу, если так можно сказать, - Жан-Себастьян посмотрел на Гарри, прежде, чем продолжил. – Тебе придется обратиться к ней за деталями, но ты должен понимать, что Вейлой быть нелегко, когда ты окружен другими людьми, завидующими твоим способностям. Конечно, тебе и самому приходилось чувствовать нечто подобное.

Это была чистая правда. Гарри задумался, и вдруг несказанно обрадовался тому, что так ничего и не ответил Жану-Себастьяну. Он никогда не думал о трудностях, с которыми Флер приходилось сталкиваться каждый день, о той ревности и недоверии, которые другие чувствовали к девушке, умеющей вскружить голову кому угодно, любому парню, всего лишь потому, что она Вейла, даже не прибегая к использованию своей невероятной физической красоты. Его знакомство с Флер не выходило за рамки простого, базового общения, но он думал, что знал достаточно для того, чтобы понять: она явно была не из тех, кто ведет себя легкомысленно, независимо от того, что о ней думают или могут думать другие люди. По крайней мере, когда он имел возможность ее видеть, Флер себя так не вела.

- Я понимаю, - тихо ответил Гарри.

- Хорошо, - резюмировал Жан-Себастьян. – Я обещаю, что у вас с Флер обязательно будет время, чтобы узнать друг друга.

- Да, сэр, - снова на автопилоте ответил Гарри, что в очередной раз вызвало у Жана-Себастьяна теплую улыбку.

- Теперь, Гарри, отвечая на твой вопрос... Да, Флер уважает тебя. Твое мужество во время турнира, то, как ты держал себя в руках в самых тяжелых обстоятельствах, действия, с которыми ты имел все шансы выиграть – все это, безусловно, произвело впечатление на мою дочь.

Щеки Гарри загорелись от похвалы, тем более, что похвала шла из уст мужчины, который, в свою очередь, передавал то, что услышал от своей прекрасной дочери. Буйство красок на его лице не осталось незамеченным – он увидел, как ухмыляется благодетель в ответ на смущение

Гарри.

- Но что самое важное, Гарри, думаю, она уважает тебя и очень благодарна тебе за твои действия во время второго задания на турнире. Может быть, ты об этом не знаешь, но Вейла – это создание огненной стихии. Сила Флер находится на самой низкой отметке в водных условиях, поэтому ей было трудно, если не сказать больше, - невозможно – победить гриндилоу, которые напали на нее, пока она искала сестру.

Глаза Жана-Себастьяна затуманились, когда он вспомнил этот неприятный для него и его семьи момент:

- Я так волновался за нее и Габриэль, когда узнал, что они будут под водой – не спал несколько недель перед вторым этапом, когда Флер сказала мне, что на нем будет. Хотя организаторы приняли все меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность всех участников, тебе хорошо известно об опасностях, присущих заданиям независимо от мер предосторожности, - улыбка снова вернулась на его лицо. – Ты неплохо летал во время своего первого задания, кстати. Не думаю, что когда-либо видел похожий полет.

Гарри почувствовал, что его лицо снова пылает, но на этот раз Жан-Себастьян не обратил внимание на эту деталь, потерявшись в воспоминаниях об их предыдущем учебном году.

- Зная характер заданий, мастерство и мужество, которые были нужны, чтобы встретиться с преградой лицом к лицу, можно поставить себя на место Флер и подумать о том, как тяжело это было для нее: справляться с задачей, которая уже внутренне воспринималась как опасность, да еще и проходила в среде, которая блокирует большинство чар. Флер была в крайне невыгодном положении на этом задании, еще хуже твоего собственного положения в течение всего турнира из-за твоего возраста. Нужно еще и учитывать тот факт, что Флер безумно любит свою сестру, и когда она обнаружила ее пропажу утром перед заданием, она была в бешенстве, зная о своей физической непригодности для этого этапа, и серьезно обеспокоилась наличием возможности спасти Габриэль. А потом на нее напали гриндилоу, и ее худшие опасения подтвердились. Вы сами слышали, как было сформулировано задание – она вышла из озера, дрожащая и раненая, но больше всего Флер была удручена своей неудачей, дико боясь того, что может случиться с ее сестрой.

- И потом, вопреки ее худшим опасениям, ее сестра выходит из озера, и спас ее мальчик, которого, по ее собственным словам, она считала «низшей формой грязи, которую соскребают с подошвы туфель». Ей было стыдно за свои действия и слова – и она стыдилась их еще несколько месяцев – но облегчение и радость от спасения ее сестры были настолько велики, что она выразила свои чувства настолько крепко, насколько была в состоянии. Поверь мне, Гарри, она более, чем уважает тебя. Думаю, ты сам услышишь от нее намного больше.

Гарри снова внутренне боролся с похвалой – он не думал, что сделал что-то из ряда вон выходящее или героическое. Он всего лишь был в состоянии кому-то помочь (по крайней мере, так он думал), и он использовал эту возможность. А кто бы этого не сделал? И ведь все это было бессмысленно – если бы он вовремя оценил ситуацию, он бы обязательно понял, что Дамблдор никогда бы не допустил, чтобы кто-то из участников этапа потерялся просто потому,

что один из чемпионов не смог освободить своего заложника.

- Но все это было так бессмысленно. Заложники вообще никогда не были в опасности. Директор школы сказал мне об этом после второго этапа.

Жан-Себастьян просто покачал головой:

- Не пытайся отречься от похвалы, Гарри – это очень неприлично. Ты верил в то, что моя дочь будет потеряна, если ее не спасут? – дождавшись кивка Гарри, он продолжил. – Тогда твой поступок не стал менее значимым после того, как ты узнал, что это, в конечном счете, не было нужно. Возможно, если бы ты думал об этом дальше, ты бы понял, что заложники все это время были в безопасности, независимо от ваших действий, но ничто не сотрет тот факт, что ты поступил героически, спасая чужую человеческую жизнь на основании той информации, которой владел в тот момент.

- Гермiona называет это моим синдромом спасения людей, - ответил Гарри с некоторым смущением.

Жан-Себастьян по-детски расхохотался, запрокинув голову назад и попутно вытирая слезы смеха. Гарри тоже усмехнулся – надо признать, Гермiona довольно забавно описала его импульс, возникающий, когда другим нужна помощь.

- Думаю, в этом вся суть, - наконец, сказал Жан-Себастьян, качая головой между приступами смеха. – Но вот почему я чувствовал себя в долгу перед тобой, Гарри. Я не уверен, насколько хорошо ты понимаешь в этих вещах, но к долгам в магическом мире относятся очень серьезно. Как правило, они носят магический характер и не имеют ничего общего с денежными долгами в обычной жизни – технически, ты спас жизнь моей дочери, что магически связывает тебя с моей семьей. Если бы ты призвал тот долг, это сделало бы связь еще сильнее, позволив тебе получить доступ ко многим другим требованиям, которые ты мог бы предъявить моей семье... и Габриэль, в частности. А теперь прибавь к своему поступку то, что ты сделал для Флер во время третьей задачи. Думаю, это ты спас ее, когда она находилась без сознания в лабиринте?

Немного боясь, к чему может привести этот разговор, Гарри кивнул:

- Она была опутана лозой. Я высвободил ее, а потом выпустил искры из палочки, чтобы ее спасли.

Жан-Себастьян задумчиво скрестил пальцы, прежде чем продолжил:

- В таком случае, непонятно, что в конечном итоге произошло бы с Флер. Независимо от этого, долг когда-нибудь придется искупить, если инцидент действительно имел место быть. Пока нельзя определить это точно, но игнорировать этот вопрос я в любом случае не смогу.

Внутренне борясь с этой странной концепцией, Гарри осторожно рассматривал Жана-Себастьяна:

- Какого рода требования я могу предъявлять?

Жан-Себастьян пожал плечами:

- Их много. В зависимости от размера долга и отношений между сторонами. По существу, если ты призовешь к долгу любую из моих девочек, они не смогут причинить тебе вред – никогда. И, возможно, они даже будут вынуждены совершать другие действия: такие, как, например, защищать тебя от всех твоих врагов или нечто подобное.

Увидев выражение облегчения в глазах Гарри, Жан-Себастьян усмехнулся и похлопал его по спине:

- Не волнуйся, Гарри, они не могут быть вынуждены делать что-то аморальное или незаконное – магия так не работает. Ты не смог бы заставить их делать что-то, что, по их мнению, неправильно или унижает их достоинство – только контролировать их намерения и действия против тебя или кого-то, с кем ты ассоциируешься.

- Так вот почему вы помогли мне?

- Отчасти, - ответил Жан-Себастьян. - Да, я чувствую себя в долгу перед тобой, и ради его искупления открыто поддерживал тебя, помогая в суде, а также обручил тебя с Флер. Но другой причиной послужили опасения за мою дочь.

Он посмотрел на неудобно заерзавшего Гарри прежде, чем продолжил:

- Я уже немного рассказал тебе о некоторых проблемах, с которыми сталкивается Флер, и о моих опасениях относительно ее будущего. Я достаточно уверен в твоем характере и особенностях твоей личности, чтобы обручить вас и доверить ее тебе. Думаю, ты будешь заботиться о ней, любить и ценить такой, какая она есть. Мне больше не нужно беспокоиться о том, что она никогда не найдет себе пару или, что еще хуже, просто-напросто влюбится в того, кто не будет по-настоящему о ней заботиться, а лишь поиграется и похвастается своим трофеем перед друзьями. Не так давно подобная судьба ожидала бы большинство девушек, родившихся Вейлами. И теперь, когда о Флер есть, кому позаботиться, мне остается только беспокоиться за Габриэль, которой еще далеко до своего выбора, ведь ей всего девять лет. И, разумеется, не последнюю роль в моем выборе сыграла ситуация с Волан-де-Мортом. Ты будешь находиться в прямом конфликте с Темным лордом, который, кажется, проявляет по отношению к тебе нездоровый интерес. Но я понимаю то, чего, кажется, не понимает ваше правительство – в конечном счете, если он захватит Англию, ему станет мало этого клочка земли, и он начнет искать власти за ее пределами. Поддерживая тебя – человека, который, как я считаю, обязательно сыграет важную роль в борьбе против него, - я защищаю свою родину так же, как твою.

- Спасибо, сэр, - ответил Гарри, будучи переполненный эмоциями. Жан-Себастьян разговаривал с ним как со взрослым и относился к нему так, будто он был очень ценным человеком – Гарри редко доводилось испытывать такое отношение, исходящее от его взрослых знакомых.

- Ты приглашен, Гарри, - улыбнулся Жан-Себастьян. – Я уже вижу, что мы станем хорошими друзьями. Теперь скажи мне, есть ли еще что-то, о чем ты хочешь меня спросить?

Гарри задумался на одно-единственное мгновение, прежде чем рискнул задать еще один вопрос:

- Как появился этот брачный контракт?

- Это связано с твоим дедушкой и моим отцом, Гарри, - ответил Жан-Себастьян после минутного раздумья. – Пятьдесят лет назад твой дедушка был английским Послом во Франции. Мой отец, Жан-Франсуа Делакур, был членом верхушки Французского правительства. Они встретились, стали друзьями и, в итоге, составили брачный контракт, чтобы объединить наши семьи. Контракт был составлен таким образом, что он должен был связать первенца Поттеров и первенца семьи Делакур. Но, так как я – старший в моей семье, а твой отец был единственным ребенком твоего деда, договор остался нереализованным. Именно поэтому я могу обручить тебя с моей дочерью – вы оба первенцы в наших семьях и подходите под условия контракта.

- Но что случилось бы, если бы мы не были обручены? – озабоченно спросил Гарри. – Я слышал, что несоблюдение условий контракта в мире магии может привести к катастрофе.

- Верно, - усмехнулся Жан-Себастьян. – Но в таком случае тебе не нужно было бы беспокоиться. Пока договор не принят обеими сторонами – или, в случае брачного контракта, опекунами обеих сторон – он не является обязательным. Я даже не знал о том, что мой отец заключил такое соглашение – об этом узнал Сириус, который просматривал старые бумаги, принадлежащие твоему отцу. Он нашел контракт и предупредил меня о его существовании.

- Но разве Флер не совершеннолетняя? Разве она не может самостоятельно согласиться на заключение брачного контракта?

- Флер совершеннолетняя, - подтвердил Жан-Себастьян. – Но в волшебном мире дети остаются привязаны к своим родителям широким рядом особенностей, наиболее важная из которых в этом случае – мой статус главы семьи Делакур. Независимо от ее возраста, я все еще могу договориться о заключении брачного контракта от ее имени, если я считаю, что поступаю так в интересах семьи. Конечно, я бы учел ее пожелания, если бы она состояла в серьезных отношениях, имела бы друга или жениха, или у нее нашлись бы иные веские причины не вступать в этот брак. Я бы постарался найти другой способ, чтобы помочь тебе. Я могу заставить ее вступить в этот брак, пока она считается незамужней, несмотря на то, что есть несколько вещей, которые я не в силах исправить: к примеру, существующий брак с другим мужчиной. Разумеется, многие родители спокойно игнорируют такие обстоятельства. Я люблю

своих дочерей и хочу, чтобы они были счастливы, но для многих родителей, особенно в традиционном обществе Чистокровных семей, дети часто становятся лишь пешками в сложной партии семейных альянсов – и их мнение не учитывается. Мне нравится думать, что я иду более цивилизованным путем.

Это вносило некий смысл в общую картину. Гарри задумался, как мало он знает о семейных альянсах в мире магов. Приятно радовало, что Жан-Себастьян не стал заставлять свою дочь принимать противоречащее ее убеждениям решение, хотя вполне мог это сделать. Как он уже сказал ранее, она даже смирилась с решением отца – может быть, со временем их с Гарри чувства смогут перерасти в удовлетворение друг другом или даже любовь.

- Вы знали моего отца? – нерешительно спросил Гарри, надеясь на обнаружение еще одной тоненькой ниточки, ведущей от него к покойным родителям.

- Знал. Когда я был ребенком, мы некоторое время жили в Англии. Собственно, поэтому я и говорю по-английски с небольшим акцентом. Так как мой отец тесно дружил с твоим дедом, мы довольно часто встречались, и, хотя я был на несколько лет старше твоего отца, мы стали большими друзьями. К сожалению, когда мы вернулись во Францию до начала моей учебы в школе, мой отец скоростижно скончался, и контакты с твоей семьей были потеряны.

Гарри кивнул, слегка задыхаясь от волнения. Жан-Себастьян был человеком, который знал его отца, когда тот был еще мальчиком, – и это связывало их еще сильнее. Сущий пустяк, но для Гарри это значило очень много.

- Ну, юноша, думаю, наши полчаса подходят к концу, – вставая, сказал Жан-Себастьян. – У тебя, несомненно, есть еще вопросы, но, думаю, у нас будет достаточно времени в ближайшие недели, чтобы ответить на них.

Кивнув, Гарри вышел из комнаты следом за своим новым опекуном, осознавая, что его жизнь кардинально изменилась. Это было не то, чего он ожидал в начале дня, но время, проведенное наедине с Жаном-Себастьяном, убедило парня в том, что все будет хорошо.